

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.08:159.9; 808.1:159.9

А. И. Корытова, Г. С. Корытова

ПСИХОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

Рассматриваются особенности начального этапа становления психологии литературного творчества как самостоятельного направления исследований в отечественной и зарубежной науке. Показано, что процесс становления психологии литературного творчества в России в последней трети XIX – первой половине XX в. был обусловлен бурным развитием литературоведения, научной психологии и особым общественным статусом русской классической литературы. Представлены точки зрения различных авторов, отражающие доминирующие подходы к определению содержательной стороны анализируемого феномена. Психология литературного творчества определена как отрасль научного знания, которая изучает процессы отражения писателем действительности, их воплощение в специфической художественной форме, используя при этом методологические принципы не только психологии, но также литературоведения, языкознания, эстетики и других смежных дисциплин. Аналитический обзор публикаций по проблеме исследования показал, что становление психологии литературного творчества как научного направления происходило на стыке различных наук и было посвящено изучению создающего субъекта и продуктов его деятельности.

Ключевые слова: *творчество, литературное творчество, литературоведение, искусство, писатель, психология, психология литературного творчества, психоанализ.*

Изучение психологических особенностей литературного творчества как самостоятельного направления в отечественной психологической науке берет свое начало во второй половине XIX столетия. Этот процесс был связан, с одной стороны, с выделением психологии в самостоятельную науку, а с другой – с бурным развитием в этот период литературоведения. Особое положение русской классической литературы XIX в. способствовало тому, что именно она стала первым видом искусства, который оказался в центре внимания представителей новой науки и подвергся всестороннему психологическому исследованию.

Вторую половину XIX столетия в истории мировой психологической науки часто называют «золотой эпохой», поскольку именно в это время происходил важнейший процесс выделения самой психологии в отдельную область научного знания. Начало оформления психологии в качестве самостоятельной науки датируется немногим более столетия назад, хотя ее корни уходят в глубокую древность. На заре XX в. выдающийся немецкий психолог-экспериментатор Герман Эббингауз писал: «Психология имеет очень короткую историю и длинную предысторию» [1, с. 5]. Зародившись более двух тысячелетий назад в лоне философского знания (сначала как «наука о душе», затем, в Новое время, – как интроспективная «наука о сознании»), только с появлением метода лабораторного эксперимента психология получила признание в качестве самостоятельной науки о механизмах и законо-

мерностях функционирования психики и поведения человека. В 1879 г. профессор философии старейшего в Европе Лейпцигского университета Вильгельм Вундт (1832–1920) организовал знаменитую – первую в мире – лабораторию экспериментальной психологии, а в 1881 г. основал журнал «Психологические учения» – официальный печатный орган своей лаборатории и новой науки. Важнейшие открытия и достижения, ставшие результатом опытно-экспериментальной деятельности лаборатории, обеспечили ученому всеобщее признание и уникальный статус «отца-основателя научной психологии». Благодаря В. Вундту Лейпциг в конце XIX в. становится столицей мировой психологии, а 1879 г. считается символической датой рождения психологии как отрасли научного знания.

Психологическая лаборатория В. Вундта – «колыбель научной психологии» – вызвала интерес в среде ученых того времени и привлекла в Лейпцигский университет огромное количество студентов, желавших работать вместе с легендарным экспериментатором. Среди них были и ставшие впоследствии знаменитыми русские ученые И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, В. Ф. Чиж, Н. Н. Ланге. Восхищаясь талантом и работоспособностью В. Вундта (за свою долгую научную карьеру он опубликовал более 54000 печатных страниц научных текстов, руководил написанием 186 диссертаций), российские исследователи по возвращении на родину оборудовали в университетских центрах Российской импе-

рии – Москве, Санкт-Петербурге и Казани – свои экспериментальные лаборатории наподобие вундтовской. Их открытие способствовало становлению научной психологии и организации первых факультетов психологии в ведущих учебных заведениях дореволюционной России [2, 3].

В условиях бурного развития психологической науки в этот период оформилась научная «культурно-историческая школа», которая была чрезвычайно популярна как в Европе, так и в России. Ее представители (В. Вундт, И. Фолькельт, Р. Мюллер-Фрейенфельс, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянников-Куликовский и др.) проявляли научный интерес к психологическим аспектам искусства и определяли его как «чувственное познание», а художественную литературу рассматривали как продукт душевной деятельности человека. Немаловажно, что к тому времени уже существовала завершенная концепция творчества, созданная в XVIII в. родоначальником немецкой классической философии Иммануилом Кантом (1724–1804), который в своих трудах предпринял попытку анализа творческой деятельности человека, обозначая ее понятием «продуктивная способность воображения», и рассматривал творческий процесс в качестве одного из элементов структуры человеческого сознания. Эта концепция в последующих ее интерпретациях стала своеобразной философской базой для дальнейшего изучения искусства, в частности психологии литературного творчества.

Понятия «психология литературного творчества», «психология художественного творчества» в начальном периоде развития психологии как науки еще не существовали: они появились несколько позже и использовались в качестве синонимичных [4]. Стоит заметить, что и в наши дни термины «художественное творчество», «литературное творчество», несмотря на их активное употребление, в справочной литературе встречаются довольно редко, поэтому понять значение данных конструктов можно посредством толкования составляющих их слов. В частности, в словарях современного русского языка значение слова «художественный» определяется как «...изображающий действительность в образах; относящийся к искусству» [5, с. 799], а в качестве феномена «литературный» рассматривается все то, что связано с литературой как видом искусства, поскольку, как считает известный французский литературовед Цветан Тодоров (1939), «до настоящего времени никто не сумел дать устойчивого определения литературы» [6, с. 351]. Исходя из того, что творчество рассматривается как «деятельность, направленная на создание качественно новых материальных и эстетических ценностей» [7, с. 16], можно прийти к заключению, что оба понятия («художественное творчество», «литератур-

ное творчество») практически тождественны, хотя и имеют свою предметную специфику. Возможно, в силу этого сходства достаточно долго в научном тезаурусе литературного творчества преимущественно использовалось словосочетание «художественное творчество». А вот при добавлении слова «психология» феноменологическое значение обоих понятий несколько изменяется: смысл конструкта «психология художественного творчества» предполагает изучение закономерностей и механизмов создания продукта искусства и оказываемого им эмоционального воздействия на воспринимающего субъекта, а «психология литературного творчества» ориентирована на анализ психологической активности личности и деятельности литературного работника: писателя, прозаика, поэта, драматурга, киносценариста, литературного переводчика, литературного критика и др., результатом которой является созданное лично им конкретное произведение литературы (повесть, рассказ, пьеса, стихотворение, поэма, сценарий, очерк и т. п.). В подтверждение этому можно привести слова русского писателя и поэта Владимира Солоухина: сравнивая деятельность писателя и ученого, он отмечал, что если бы ученый не сделал какого-то открытия, то это обязательно сделал бы кто-то другой. Но «стихотворение, которое сочинит поэт, рассказ, который напишет писатель, никто за них никогда не создаст, пройди хоть тысяча лет» [8, с. 7].

Возвращаясь к рассмотрению первоначального этапа становления психологии литературного творчества как самостоятельного направления в научной психологии, нельзя обойти вниманием тот факт, что в конце XIX в. интерес к использованию достижений русской литературы стал активно проявляться среди врачей-психиатров [9]. То, что психиатры – специалисты с естественно-научным образованием – придавали художественной литературе особое значение в своей профессиональной деятельности, не было случайным. Известный профессор психиатрии Иван Алексеевич Сикорский (1842–1919) заметил: «Писатели, одаренные Божьей искрой, всегда были историческими диагностами, которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души. Для психиатра художественная литература составляет истинную настольную книгу его профессии» [10, с. 613]. «Как ни прекрасно будущее, которое сулят нам поклонники экспериментальной психологии», – писал другой психиатр М. О. Шайкевич, – «все-таки душевная деятельность по самой своей природе, в силу ее несомненной и исключительной субъективности такова, что без чувственного познания через посредство образов многое останется недоступным для упомянутых научных методов. А потому интуиция писателя, художественное творче-

ство ... будут еще долго снабжать нас, психиатров, ценным материалом» [11, с. 55].

Нельзя не отметить, что психиатрический взгляд на художественную литературу является выражением крайне субъективного подхода и отношения к литературе. Его основы заложены в работах таких известных врачей и ученых, как В. Гирш, Э. Кречмер, Ч. Ломброзо, М. де Тур, Дж. Нисбет, А. Один, В. Штекель и др. Применение психиатрических знаний позволяет исследователям ставить диагноз как персонажам художественного текста, так и его автору [8]. Образцом подобного исследования является монография немецкого психиатра Карла Леонгарда (1904–1988) «Акцентуированные личности». В первой ее части «Типология личностей» исследователь излагает основы своей концепции акцентуированных (социально дезадаптированных) личностей, близкой классификации психопатических личностей, составленной русским психиатром Петром Борисовичем Ганнушкиным (1875–1933). Во второй части монографии, озаглавленной «Личность в художественной литературе», К. Леонгард, иллюстрируя описанные им типы акцентуированных личностей, приводит многочисленные примеры из мировой художественной литературы.

В качестве отечественного образца в данном ракурсе можно рассмотреть психопатологический подход к личности писателя и его внутреннему миру, нашедший выражение в журнале «Клинический архив гениальности и одаренности», посвященном вопросам патологии гениально одаренной личности, а также вопросам патологии творчества. Издание выходило в Свердловске в 1920-х годах под редакцией доктора медицинских наук, художника Григория Владимировича Сегалина (1878–1960). В нем была представлена концепция новой научной дисциплины – эвропатологии, рассматривающей связь феноменологии гениального (одаренного) человека с симптомами психопатического ряда, – подтвержденная исследованиями и материалами, касавшимися творческого процесса создания литературных шедевров и личности гения. Большинство материалов периодического издания было посвящено психопатическим особенностям творческих людей (писателей, музыкантов, художников), и речь в них шла о создании патографии – истории жизни и болезни ряда известных личностей. В частности, в материалах «Клинического архива гениальности и одаренности» анализ медицинских свидетельств и постановка психопатологического и психиатрического диагнозов писателям сопровождалась подробным анализом содержательной стороны произведений этих писателей. В целом же анализ творчества проводился не только на психологических и психопатологических, но

и на психофизиологических основаниях, что вызвало критику со стороны многих психологов. Стоит отметить, что активно критиковалась и этическая сторона психопатологического подхода к личности и внутреннему миру писателя [12].

Первые собственно-психологические работы по психологии литературного творчества, появившиеся в начале XX в., зачастую имели междисциплинарный характер. Преимущественно такие исследования проводились представителями глубинной психологии, ассоциативной психологии и гештальт-психологии. Безусловно, особый вклад в развитие психологии литературного творчества на этапе становления этого научного направления был сделан фрейдистами – приверженцами глубинной психологии (психоанализа). Основатель психоаналитического направления в психологии Зигмунд Фрейд (1856–1939), а также его ученики и последователи (К. Г. Юнг, А. Адлер, О. Ранк, В. Райх, Ш. Ференци, Г. Закс, В. Штекель, К. Абрахам, Э. Джонс, А. Фрейд, М. Кляйн и др.) на рубеже XIX и XX столетий опубликовали целый ряд трудов, постулирующих представления о бессознательных структурах человеческой психики. Чрезвычайную важность в этом отношении являли собой разработки теории бессознательного, по мнению фрейдистов проливающие свет на малоизученные процессы литературного творчества и художественного восприятия. Наряду с этим, научные идеи и методы, которые З. Фрейд разработал для психоанализа (свободные ассоциации, толкование сновидений, интерпретации и др.), не только легли в основу чрезвычайно популярной во всем мире динамической психотерапии, но также были применены к пониманию социального поведения людской массы (толпы), религии, природы художественного творчества и др. В работах З. Фрейда чаще всего можно встретить анализ поведения героев художественных произведений в качестве иллюстрации к психологическому исследованию того или иного состояния и поведения человека. Не считая себя литературоведом, З. Фрейд тем не менее оставил любопытные образчики психоанализа литературных произведений, обратившись к творчеству великих писателей и драматургов – Шекспира, Гёте, Достоевского, Ибсена, Иенсена и др. Проведенный З. Фрейдом анализ известных пьес и романов («Гамлет», «Макбет», «Сон в летнюю ночь», «Король Лир», «Братья Карамазовы», «Градива», «Росмерсхольм» и др.) стали классическими образцами психоаналитического литературоведения. Здесь необходимо заметить, что литературное творчество самого З. Фрейда привлекало внимание читателей и критиков: он оказался в числе первых лауреатов, удостоенных престижной международной литературной премии имени Гёте (за 1930 г.), присуждае-

мой ежегодно с 1927 г. выдающимся деятелям мировой художественной литературы.

Бурное развитие социальных наук в 1920–1930-х годах, прежде всего антропологии и социологии, способствовало методологическому повороту в психоаналитическом движении от биологической обусловленности человеческого поведения к его социальной и культурной детерминации. Психоанализ оказался в поле зрения прикладных исследований, влияние идей З. Фрейда на культуру и искусство стало еще более очевидным и значительным. В частности, заметную роль в литературоведении многих стран стала играть психоаналитическая критика. Наибольшее влияние фрейдизм оказал на литературную мысль США, куда в годы Второй мировой войны эмигрировали практически все крупнейшие представители психоаналитического направления. Доминировало убеждение, что З. Фрейд не просто указал на новые пути развития литературоведения, но поставил его на научную (даже «лабораторную») основу. В 1950-е гг. после западного бума интерес к психоанализу вследствие недостатка научной строгости и присущей ему методологической слабости резко снизился во всем мире. Однако он по-прежнему продолжает оставаться довольно влиятельной силой мировой психологии и как инструмент содержательного анализа продолжает свое существование в современном литературоведении многих стран Европы и Америки [13].

Институализация психоанализа в России и его популяризация (по образному выражению В. И. Рождественского, «Серебряный миг русского психоанализа» [14]) пришлось на период, совпавший по времени с дореволюционными событиями и становлением молодого советского государства. Главенствующей фигурой в русском психоанализе был врач-психиатр, художник и литературовед Иван Дмитриевич Ермаков (1875–1942) – один из организаторов и первый председатель Русского психоаналитического общества (РПСАО), возглавлявший в нем секцию психологии искусства и литературы. С 1921 по 1925 г. в Московском госиздате под редакцией И. Д. Ермакова выходит в свет «Психологическая и психоаналитическая библиотека», в которой были опубликованы переводы многих трудов З. Фрейда и ряда других известных европейских психоаналитиков. В этой же серии выпущены и его собственные психоаналитические исследования некоторых литературных произведений. И. Д. Ермаков не понаслышке был знаком с творчеством многих знаменитых писателей и художников, детство ученого проходило в насыщенной культурной среде (его дедом по отцовской линии был известный архитектор Луиджи Камбиаджио). Еще будучи студентом медицинского факуль-

тета Московского университета он наблюдал в клинике для душевнобольных великого русского художника-символиста М. А. Врубеля, что впоследствии нашло отражение в его очерке «Михаил Александрович Врубель» (1919). Кроме лечебной практики и научной психологической деятельности И. Д. Ермаков занимался живописью и графикой, был действительным членом Государственной академии художественных наук. В 1916–1921 гг. он принимал личное участие в ряде выставок известных художников (выставка передвижников, выставка группы «Бубновый валет», «Мир искусства», «Четыре искусства» и др.), примерно в эти же годы заведовал экскурсионным отделом Государственной Третьяковской галереи. Среди литературных исследований И. Д. Ермакова в первую очередь стоит обозначить такие его работы психоаналитической направленности, как: «Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина» (1923), «Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя» (1924), «Ф. М. Достоевский и его произведения» (1925), «Психоанализ литературы» (1926) и др. В этих исследованиях можно видеть стремление установить связь между особенностями черт личности, характером писателя и характерами, выведенными в его произведениях. И. Д. Ермаков предпринял попытку выяснить, как отразились в художественных произведениях личные переживания их создателей, поскольку мучительное желание освободиться от собственных внутренних противоречий, как бы материализовав их в образах своих героев, утверждается теорией психоанализа в качестве одного из самых сильных побуждений к творчеству [15].

1920-е годы характеризовались становлением и разработкой марксистской философии и психологии в Советской России. В различных областях научного знания шли бурные дискуссии, сопровождающиеся поиском новых методов исследования личности, изучения человека, воспитания подрастающего поколения. Распространенные до революции в России психологические теории и концепции подлежали переосмыслению с позиций нарождающейся марксистской науки. Велась беспромиссная борьба с субъективно-идеалистическими школами, отвергающими материалистическое понимание мира и человека. В центре теоретических споров оказалось возникшие на «русской почве» физиологическое учение И. М. Сеченова и рефлексология И. П. Павлова, а также появившиеся за рубежом психоанализ З. Фрейда и бихевиоризм Дж. Уотсона. Широкое распространение психоаналитических идей в 1920-е гг. сменилось их неприятием в 1930-е, что наложило заметный отпечаток на последующее отношение к психоанализу в СССР. В частности, широкая научная и околонаучная дискуссия вокруг работ психоаналитиче-

ского направления выявила в конечном счете произвольность толкования смысла художественного текста. Так, швейцарский профессор-психоаналитик Карл Густав Юнг (1875–1961) в статье «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству» писал: «Психоанализ художественного произведения далеко отклоняется от своей цели и рассмотрение переносится в область общечеловеческую, для искусства крайне несущественную» [16, с. 270]. Поэтому, не отрицая того, что сторонниками психоаналитического подхода к литературе сделано много тонких и интересных наблюдений, нельзя согласиться с тем, что все художественные тексты могут быть подвергнуты анализу с какой-либо единственной позиции и при этом будут получены результаты, адекватные рассматриваемому объекту.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов в Советском Союзе в рамках кампании за очищение науки от троцкизма и буржуазного влияния началось ниспровержение фрейдизма, и, как следствие, психоаналитическое направление в литературоведении утратило свой авторитет. На очевидность несовершенства и ограниченность психоанализа указывал выдающийся советский психолог, автор литературоведческих публикаций Лев Семенович Выготский (1896–1934).

В одной из своих книг «Психология искусства» (1925) он резюмирует работы 1915–1922 гг. в области искусства и обозначает те новые психологические идеи, которые составили его главный вклад в отечественную науку. Три литературных исследования – о поэте-баснописце Иване Андреевиче Крылове, о Гамлете и о композиции новеллы – легли в основу этой книги. В ней Л. С. Выготский пишет: «Центральной идеей психологии искусства мы считаем признание преодоления материала художественной формой или, что то же, признание искусства общественной техникой чувства. Методом исследования этой проблемы мы считаем объективно аналитический метод, исходящий из анализа искусства, чтобы прийти к психологическому синтезу, – метод анализа художественных систем. Мы смотрим на художественное произведение как на совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции, и пытаемся на основании анализа этих знаков воссоздать соответствующие им эмоции» [17, с. 7]. По мнению Л. С. Выготского, отличие этого метода от других (патопсихологического, психоаналитического) состоит в том, что исследователи литературного творчества не интерпретируют эти (эстетические) знаки как проявление душевной организации автора или его читателей. Л. С. Выготский намеренно уходит от исследования психологии автора или читателя, рассуждая о возможности использо-

вать тексты как проективную технику: «Мы не заключаем от искусства к психологии автора или его читателей, так как знаем, что этого сделать на основании толкования знаков нельзя» [17, с. 8].

Целый ряд ведущих мотивов-идей, близких к представленным в «Психологии искусства» Л. С. Выготского, можно обнаружить в работах, опубликованных в это время Б. А. Грифцовым и М. М. Бахтиным. Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) – крупнейший мыслитель XX в., работы которого в области философии и филологии ныне считаются классическими, в 1920-е годы подверг критике психологическую концепцию понимания как перевоплощения и вживания в мысли и чувства автора текста. В книге «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтин рассматривает текст как знаковую систему, созданную человеком. В отличие от природных объектов знаки имеют смысл, и поэтому изучение текста всегда начинается с осмысления и понимания, которым предшествует интерпретация. Взгляды М. М. Бахтина, считавшего проблему литературного текста предметом гуманитарных наук, близки гуманистической концепции Л. С. Выготского: «Человек всегда выражает себя (говорит), т. е. создает текст. Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека)» [18, с. 304].

Известный отечественный литературовед и переводчик Борис Александрович Грифцов (1875–1950) – автор монографий «Психология писателя» (1923), «Как работал Бальзак» (1936) – полагал, что психологический подход к литературе правомерен лишь на новой, методологически продуманной основе. Для него неприемлемо упрощенное, чисто психиатрическое истолкование творческого процесса, как принято у З. Фрейда и его последователей. Искусство, считает Б. А. Грифцов, принципиально отлично от сновидения или патологического бреда, оно строится по особым, специфически творческим законам и не сводится к простому проявлению бессознательных комплексов. Материалом для изучения творческого процесса должно быть прежде всего само литературное произведение. Вслед за Б. А. Грифцовым и другими его единомышленниками исследователи феноменологии творчества отстаивали суверенность художественного творчества, при этом под психологией писателя понимая только психологию творческого акта, отвлекаясь от всех его нетворческих переживаний [19].

Таким образом, к середине XX столетия в среде исследователей окончательно оформилось понимание того, что литературное творчество может быть объектом изучения психологической науки как таковой, служа наряду с другими видами психической деятельности человека материалом как для

литературоведческих, так и для собственно психологических исследований. Аналитический обзор релевантных работ убедительно показал, что становление психологии литературного творчества как научного направления происходило на стыке различных наук, было посвящено изучению создающего субъекта-творца и продуктов его деятельности. Констатацией того, что этап становления психологии литературного творчества как нового научного направления исследований завершился, можно считать вполне удачные попытки понятийного описания анализируемого феномена, его дифференциации от других отраслей и направлений психологической науки. Закономерным итогом оформления психологии литературного творчества является ее признание в качестве самостоятельной отрасли научного знания, которая «изучает процессы отражения писателем действительности, их воплощение в специфической художественной форме, используя при этом методологические принципы не только психологии, но также литературоведения, языкознания, эстетики и других смежных дисциплин» [4, с. 23]. Теоретически эта область знания позволяет раскрыть некоторые закономерности творческого процесса, секреты творческой лаборатории писателя, практически совершенство-

вать литературное мастерство, помогая осознать стратегию творчества мастера.

На основании вышесказанного можно прийти к заключению, что становление психологии литературного творчества как нового направления в психологической науке на рубеже XIX и XX столетий характеризовалось многообразием школ и течений. Известный отечественный специалист в области психологии творчества и интуиции Яков Александрович Пономарев (1920–1997) в работе «Проблемы психологии творчества» в 1976 г. писал: «Большой и разносторонний интерес к этой области знания характерен для первых дней после Октября. Он сохранился до середины 30-х годов, однако затем пошел на спад и почти исчез. В настоящее время кривая этого интереса вновь резко поднялась» [20, с. 7]. Столетие назад исследователи, заложившие фундамент психологических подходов к анализу литературного творчества, сформулировали ряд узловых проблем, наметили способы их решения, которые впоследствии оспаривались, дополнялись, но так или иначе выступили почвой для разветвления новых поисков в психологии литературного творчества на протяжении всего XX столетия и до настоящего времени.

Список литературы

1. Константинов В. В. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2006. 272 с.
2. Корытова Г. С. Научный вклад Моисея Матвеевича Рубинштейна в становление психолого-педагогического образования в Восточной Сибири // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 1 (11). С. 132–140.
3. Корытова Г. С. Роль преподавателей Бурятского государственного университета в становлении психологического образования в Восточной Сибири // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 2 (12). С. 151–160.
4. Бобылев Е. Л. Психологический анализ литературного творчества в работах отечественных психологов конца XIX – 30 годов XX века: дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 233 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Тодоров Ц. Семиотика литературы // Семиотика: сборник статей, переводы / сост. Ю. С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 350–354.
7. Вострокнутов Е. В., Разуваев С. Г. Сущность понятия «творчество» в спектре категориально-понятийного поля педагогики // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. № 2 (117). С. 13–19.
8. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. М.: Тривола, 2000. 248 с.
9. Бобылев Е. Л. Проблема психологического анализа искусства на стыке 19–20 веков // Приволжский научный вестник. 2014. № 11 (39). С. 10–14.
10. Сикорский И. А. Психологические основы воспитания // Вопросы нервно-психической медицины. 1905. № 4. С. 608–622.
11. Шайкевич М. О. Психопатологические черты героев Максима Горького // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 1. С. 55–57.
12. Сироткина И. Е. Патография как жанр: критическое исследование // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.06.2016).
13. Корытова Г. С., Еремина Ю. А. Защитно-совладающее поведение: ретроспективная реконструкция понятия // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2015. № 3 (156). С. 42–48.
14. Рождественский В. И., Сироткин С. Ф. Иван Дмитриевич Ермаков: контуры биографии и творчества // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.06.2016).
15. Корытова Г. С. Психологическая защита: концептуализация и понятийно-типологический анализ // Прикладная психология и психоанализ. 2015. № 2. С. 3.
16. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
17. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1965. 378 с.

18. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 332 с.
19. Грифцов Б. А. Психология писателя. М.: Художественная литература, 1988. 462 с.
20. Пономарев Я. А. Психология творчества: избранные психологические труды. М.: Издательство МПСИ, 1999. 475 с.

Корытова А. И., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: alyona-korytova@yandex.ru

Корытова Г. С., доктор психологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: gkorytova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 06.08.2016.

A. I. Korytova, G. S. Korytova

PSYCHOLOGY OF LITERARY CREATIVE WORK AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE: THE STAGE OF FORMATION (THE LAST THIRD OF 19TH CENTURY – THE FIRST HALF OF 20TH CENTURY)

The article discusses the formation of psychology of literary creative work, especially the initial stage. The formation is considered as an independent research area in Russian and international science. We show that the formation of psychology of creative work in Russia in the last third of 19th century – first half of 20th century was determined by major developments in such areas as theory of literature and scientific psychology. Additional cause of the formation was the specific status of Russian classical literature in social life. In addition, we represent a wide range of points of view, which reflect the dominant approaches to determination of the substantive aspect of the discussed phenomenon. The psychology of literary creative work is defined as a branch of scientific knowledge that studies the processes of the writer's reflection of reality and the implementation of the processes in a specific art form. The psychology of literary creative work uses the methodological principles of either psychology or other related disciplines such as theory of literature, linguistics, aesthetics, and others. To sum up, the analytical review of articles, devoted to the issue, convincingly demonstrates that the formation of psychology of the literary creative work as a scientific field took place at the junction of various sciences and concerned studies of the creating subject and products of the subject's activities.

Key words: *creativity, literary creative work, theory of literature, art, writer, psychology, psychology of literary creation, psychoanalysis.*

References

1. Konstantinov V. V. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 272 p. (in Russian).
2. Korytova G. S. Nauchnyy vklad Moiseya Matveevicha Rubinshteyna v stanovleniye psikhologo-pedagogicheskogo obrazovaniya v Vostochnoy Sibiri [A scientific contribution of Moisey Matveevich Rubenstein to formation of psychology and pedagogical education in Eastern Siberia] *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2016, no. 1 (11), pp. 132–140 (in Russian).
3. Korytova G. S. Rol' prepodavateley Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta v stanovlenii psikhologicheskogo obrazovaniya v Vostochnoy Sibiri [Role of teachers of the Buryat state university in formation of psychological education in Eastern Siberia] *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2016, no. 2 (12), pp. 151–160 (in Russian).
4. Bobylev E. L. *Psikhologicheskyy analiz literaturnogo tvorchestva v rabotakh otechestvennykh psikhologov kontsa XIX – 30 godov XX veka: Dis. cand. psikhol. nauk* [Psychological analysis of literary creativity in works of domestic psychologists of the end of XIX – 30 years of the XX century. Thesis cand. of psychol. sci.]. Moscow, 2008. 233 p. (in Russian).
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (in Russian).
6. Todorov C. Semiotika literatury [Semiotics of literature]. *Semiotika: sbornik statey, perevody*. Sost. Yu. S. Stepanov [Semiotics: collection of articles, translations. Compl. Yu. S. Stepanov]. Moscow, Raduga Publ., 1983. Pp. 350–354 (in Russian).
7. Vostroknutov E. V., Razuvaev S. G. Sushhnost' ponyatiya «tvorchestvo» v spektre kategorial'no-ponyatiynogo polya pedagogiki [The meaning of the concept «creativity» of a range of a categorial and conceptual field of pedagogics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 2 (117), pp. 13–19 (in Russian).
8. Belyanin V. P. *Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki* [Bases of psycholinguistic diagnostics]. Moscow, Trivola Publ., 2000. 248 p. (in Russian).
9. Bobylev E. L. Problema psikhologicheskogo analiza iskusstva na styke 19–20 vekov [Problem of the psychological analysis of art on a joint of 19-20 centuries]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik - Volga Scientific Bulletin*, 2014, no. 11 (39), pp. 10–14 (in Russian).

10. Sikorskiy I. A. Psikhologicheskiye osnovy vospitaniya [Psychological bases of education]. *Voprosy nervno-psihicheskoy meditsiny - Questions neuro-psychological medicine*, 1905, no. 4, pp. 608–622 (in Russian).
11. Shaykevich M. O. Psikhopatologicheskiye cherty geroev Maksima Gor'kogo [Psychopathological features of the characters of Maxim Gorky]. *Vestnik psikhologii, kriminal'noy antropologii i gipnotizma – Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism*, 1904, no. 1, pp. 55–57 (in Russian).
12. Sirotkina I. E. Patografiya kak zhanr: kriticheskoye issledovaniye [Patography as genre: critical research]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii – Medical psychology in Russia*, 2011, no. 2 (in Russian). URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (accessed 10 June 2016).
13. Korytova G. S., Eremina Yu. A. Zashchitno-sovladayushcheye povedeniye: retrospektivnaya rekonstruktsiya ponyatiya [Defensive-coping behaviour: retrospective reconstruction of concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 3 (156), pp. 42–48 (in Russian).
14. Rozhdestvenskiy V. I., Sirotkin S. F. Ivan Dmitriyevich Ermakov: kontury biografii i tvorchestva [Ivan Dmitriyevich Ermakov: contours of the biography and creativity]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii – Medical psychology in Russia*, 2011, no. 2 (in Russian). URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (accessed 15 June 2016).
15. Korytova G. S. Psikhologicheskaya zashchita: kontseptualizatsiya i ponyatiyno-tipologicheskii analiz [Psychological defense: conceptual and typological analysis]. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz – Applied Psychology and Psychoanalysis*, 2015, no. 2, p. 3 (in Russian).
16. Jung K. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991. 297 p. (in Russian).
17. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1965. 378 p. (in Russian).
18. Bakhtin M. M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. To philosophical bases of the humanities]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 332 p. (in Russian).
19. Grifitsov B. A. *Psikhologiya pisatelya* [Psychology of the writer]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 462 p. (in Russian).
20. Ponomarev Ya. A. *Psikhologiya tvoreniya: izbrannye psikhologicheskiye trudy* [Psychology of creation: chosen psychological works]. Moscow, Izdatel'stvo MPSI Publ., 1999. 475 p. (in Russian).

Korytova A. I.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: alyona-korytova@yandex.ru

Korytova G. S.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gkorytova@yandex.ru